

Форель Огюст

Половая этика

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
О-36

О-36   **Огюст Ф.**
Половая этика / Форель Огюст – М.: Книга по Требованию, 2022. – 80 с.

ISBN 978-5-521-28554-9

ISBN 978-5-521-28554-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

І. Этика.

Этика есть наука о нравственности. Спрашивается, что же такое нравственность? Можно съ увѣренностью сказать, что нравственность состоитъ изъ двухъ элементовъ.

1. Изъ чувства: совѣсть, чувство долга морали (альтруистическое чувство); оно говоритъ намъ: «это ты долженъ дѣлать, а того не дѣлай». Это чувство имѣетъ характеръ побужденія и состоитъ изъ совокупности пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній. У кого оно развито, тотъ испытываетъ удовольствіе, слѣдуя «голосу совѣсти», и неудовольствіе, не повиная ему.

2. Изъ объектовъ совѣсти, а именно, качествъ того, что совѣсть намъ приказываетъ или запрещаетъ.

Великій философъ Кантъ построилъ на совѣсти свой категорическій императивъ, причины котораго не подлежатъ, по его мнѣнію, дальнѣйшему разслѣдованію. Если совѣсть говоритъ: «ты долженъ», то нужно такъ поступать безъ разсужденій и противорѣчій. Это есть, по Канту, законъ абсолютной нравственности, повелѣвающій или запрещающій независимо отъ всякаго дальнѣйшаго соображенія.

Однако, противъ такого категорическаго императива, чѣмъ дальше, тѣмъ больше возстаютъ разумъ и наука. Какъ ни великъ былъ Кантъ, но и онъ не былъ непогрѣшимъ. Самъ по себѣ императивъ совѣсти не категоричнѣе ни количественно, ни качественно императива полового влеченія, страха, материнской любви или императивовъ другихъ чувствъ и побужденій. Во-первыхъ, ежедневныя наблюденія учатъ насъ, что существуютъ люди, безсовѣстные отъ рожденія, люди, у которыхъ отсутствуетъ голосъ долга, которые не знаютъ, что значить «я долженъ», и для которыхъ остальные люди являются не болѣе, какъ желанными объектами для эксплуатаціи или неудобными препятствіями. Для такихъ «лишенныхъ этики индивидуумовъ» вообще не существуетъ категорическаго императива, потому что у нихъ нѣтъ чувства долга. У нѣкоторыхъ людей совѣсть развита слабо, у другихъ сильнѣе, а у третьихъ она развита даже чрезмѣрно,

болѣзненно. Послѣдніе испытываютъ угрызенія совѣсти изъ-за всякаго пустяка, укоряютъ себя за «грѣхи», которыхъ они вовсе не совершали, или считаютъ таковыми поступки, въ которыхъ нѣтъ ничего предосудительнаго, и становятся вслѣдствіе этого разъ навсегда несчастными. Какъ согласовать все это съ Кантовскимъ закономъ абсолютной нравственности?

Положеніе становится окончательно нелѣпымъ, если разсмотрѣть объекты нравственности, потому что одинъ и тотъ же поступокъ, напримѣръ, питье вина, можетъ быть для одного предметомъ долга (для христіанина во время причастія, для офицера во время тоста за государя), а для другого—предметомъ запрета (для магометанина). Убійство, которое вообще безусловно запрещается совѣстью, является чувствомъ долга на войнѣ, а для нѣкоторыхъ людей даже на дуэли и т. д.

Ниже мы поговоримъ о болѣе глубокихъ основаніяхъ, доказывающихъ заблужденіе Канта, но сперва намъ необходимо упомянуть о другомъ источникѣ такъ называемыхъ этическихъ заповѣдей.

Религія образуетъ удивительную смѣсь различныхъ продуктовъ мистической фантазіи человѣка и его чувствъ, которыя выкристаллизовались и систематизировались въ легенды и догматы. Чувства страха, господства, чрезмѣрный культъ собственнаго «я» и этическія начала

скомбинировались здѣсь самымъ разнороднымъ образомъ: страхъ передъ неизвѣстнымъ, передъ темными силами, передъ смертію; распространѣніе своего любимаго «я», которое должно было дойти въ своей идеализаціи до понятія о божествѣ и затѣмъ было увѣковѣчено; чувства симпатіи, антипатіи и долга по отношенію къ другимъ людямъ и т. д. Непостижимыя силы, двигающія механизмъ вселенной, представляются тогда въ видѣ человѣкоподобныхъ (олицетворенныхъ) боговъ или въ видѣ единого такого Бога. И вотъ человѣку приписываются богоподобныя свойства, что, разумѣется, льститъ ему и успокоиваетъ его.

Изъ этого образуются представленія о непосредственномъ сношеніи созданнаго такимъ образомъ божества съ людьми, представленія, поддерживаемыя иллюзіями, галлюцинаціями и внушеніями людей съ богатой фантазіей и даже истеричныхъ и душевно-разстроенныхъ субъектовъ. Какъ удивительно легко такія представленія возникаютъ въ человѣческомъ мозгу, намъ показываетъ относительно здоровыхъ гипнотизмъ, а относительно больныхъ психіатрія. Такимъ образомъ, возникли легенды объ откровеніяхъ, въ которыхъ рассказывается, какъ Богъ лично и непосредственно обратился къ нѣкоторымъ людямъ и продиктовалъ имъ заповѣди въ видѣ руководства для человѣчества. Только этимъ и никакимъ инымъ путемъ произошла

соціалная тиранія релігіозныхъ догматовъ вѣры. Нѣкоторые люди создали Бога по своему образу и такимъ образомъ, при помощи организаціоннаго таланта честолюбивыхъ преемниковъ, надѣляли своимъ собственнымъ произведеніемъ цѣлыя народности и даже половину человѣчества на тысячи лѣтъ. И теперь еще появляются такіе пророки внѣ и внутри домовъ умалишенныхъ. Каждому хочется одному обладать истиннымъ божественнымъ откровеніемъ.

Но божественныя заповѣди сильно измѣняются, въ зависимости отъ религіи, и часто противорѣчатъ другъ другу. Среди нихъ находятся заповѣди противъ божества, не имѣющія ничего общаго съ естественнымъ нравственнымъ закономъ и тѣмъ не менѣе связываемыхъ съ нимъ. Многія, наоборотъ, представляютъ собою нравственныя заповѣди человѣческаго, но также весьма измѣнчиваго, въ зависимости отъ воззрѣній основателя религіи, этическаго закона. Коранъ устанавливаетъ многоженство и запрещаетъ вино, а современное христіанство устанавливаетъ моногамію и разрѣшаетъ вино. Но какъ Моисей, такъ и Магометъ смотрятъ на женщину, какъ на законный, подчиненный мужчинѣ предметъ обладанія, что противорѣчитъ высшему и вмѣстѣ съ тѣмъ естественному нравственному закону, и т. д.

Современная психологія имѣетъ смѣлость, въ противоположность Канту и релігіознымъ

догматамъ, утверждать, что нравственный законъ безусловно доступенъ ея изслѣдованіямъ, что истинная человѣческая этика можетъ быть основана и построена на человѣческой натурѣ, что догмы и заповѣди такъ называемыхъ откровеній задерживаютъ прогрессивное, высшее развитіе морали, и что догмы, обѣщающія на томъ свѣтѣ рай или угрожающія адомъ, дѣйствуютъ даже прямо безнравственно, ибо онѣ стремятся способствовать моральному совершенствованію человѣка ради его чисто эгоистическаго интереса, съ помощью, такъ сказать, векселя на будущую жизнь.

Для того чтобы понять естественную человѣческую этику, мы должны изучить естественный генезисъ, т. е. происхожденіе чувства долга.

Чувство долга врожденно, какъ извѣстная наклонность, т. е. наслѣдственно. Правда, оно можетъ, благодаря воспитанію, развиваться или, наоборотъ, притупиться, но пріобрѣсти его нельзя, а разрушить его тамъ, гдѣ оно ясно выражено, могутъ только душевныя болѣзни. То, что привито, т. е. пріобрѣтено, меньше всего относится къ совѣсти; скорѣе, это ея объекты, точно такіе же, какъ объекты чувства стыда. Наша женщина стыдится показать голыя ноги, но ходить съ открытымъ лицомъ, между тѣмъ какъ у турчанки мы видимъ обратное явленіе; такъ и объекты чувства долга

могутъ быть, какъ мы уже сказали, противоположнаго или, по меньшей мѣрѣ, весьма различнаго характера, смотря по нравамъ, приобретеннымъ воспитаніемъ. Однако, они большей частью сохраняютъ извѣстныя общія черты, гармонирующія съ природой человѣка: почему, это мы увидимъ изъ дальнѣйшаго.

Каково происхожденіе совѣсти, чувства долга? Прежде всего, оно возникаетъ изъ конфликта двухъ категорій чувствъ, связанныхъ съ инстинктивными побужденіями: категоріи такъ называемыхъ эгоистическихъ чувствъ и побужденій, направленныхъ на самосохраненіе, самодовлетвореніе, и категоріи симпатичныхъ, т. е. альтруистическихъ чувствъ, направленныхъ на сохраненіе и благо другихъ.

Если я чувствую симпатію или любовь къ какому нибудь человѣку, животному или предмету, то самъ страдаю и испытываю неудовольствіе, какъ только предметъ моей симпатіи страдаетъ или находится въ опасности. Отсюда и происходятъ слова — состраданіе и симпатія (страданіе вмѣстѣ съ ...). Поэтому я стараюсь помочь предмету моей симпатіи, спасти его, даже съ опасностью для себя самого; отсюда и происходитъ конфликтъ. Если побѣждаетъ себялюбіе, то я не прихожу ему на помощь или, въ лучшемъ случаѣ, дѣлаю это, когда ничѣмъ не рискую. Наоборотъ, если побѣждаетъ чувство симпатіи, я жертвую собой. Въ случаѣ побѣды трусости

или эгоизма я испытываю неудовольствіе, чувство неисполненнаго долга, раскаянія; если же побуждается чувство симпатіи — я испытываю радостное чувство исполненнаго долга. При этомъ безразлично, кто именно объектъ моей симпатіи: только интенсивность симпатіи или вытекающія изъ нея обязанности и индивидуальное развитіе совѣсти сиредѣляютъ интенсивность временныхъ чувствъ долга или раскаянія.

Душевно-больной можетъ испытывать самыя интенсивныя чувства долга и раскаянія безъ объекта или на основаніи совершенно извращенныхъ представленій.

Такъ какъ всякое живое существо, въ особенности имѣющее нервную систему, обладаетъ чувствомъ самосохраненія и побужденіями, то совѣсть, слѣдовательно, происходитъ непосредственно изъ вступающихъ съ ними въ конфликтъ побочно возникшихъ чувствъ симпатіи. Эти же послѣднія развились большей частью изъ влеченія половъ (половая любовь) и изъ отношеній производителей къ зависимымъ отъ нихъ дѣтямъ (родительская любовь).

Первое чувство долга среди царства животныхъ есть поэтому чувство семейныхъ обязанностей, равно какъ и первыя чувства симпатіи суть чувства къ семьѣ, и они приспособлены къ сохраненію рода. Сверхъ того, они исключительно, т. е. ограничиваются только семьей,

часто весьма кратковременны (у кошек), но иногда продолжаются въ теченіе всей жизни. Супружеская вѣрность нѣкоторыхъ породъ обезьянъ и попугаевъ прямо таки образцова. Однако, необходимость общей защиты отъ враговъ способствовала у многихъ животныхъ распространенію чувствъ симпатіи и долга на цѣлыя группы, вслѣдствіе чего и образовались въ отдѣльныхъ случаяхъ временныя сообщества (ласточки, буйволы, обезьяны). Наконецъ, нѣкоторые виды животныхъ настолько развили въ себѣ чувства симпатіи и долга, что послѣднія привели ихъ къ совершенному анархическому социализму, какъ это наблюдается у осъ, пчелъ, термитовъ и муравьевъ. Здѣсь социальное чувство долга преодолѣло эгоизмъ и направленный на отдѣльныя особи альтруизмъ настолько, что оно всецѣло господствуетъ надъ ними. Индивидуумъ употребляетъ всю свою силу, всю свою работу на общее благо и жертвуетъ ради него даже своей жизнью. Однако, онъ никогда не приноситъ себя въ жертву для отдѣльнаго индивидуума, если этотъ актъ не имѣетъ принципіальнаго значенія для социальнаго улья. Рабочая пчела не жертвуетъ собой для другой рабочей пчелы, но дѣлаетъ это для улья или для матки. Она освобождаетъ даже все содержимое изъ своего желудка въ ротъ матки и обрекаетъ себя на голодную смерть, лишь бы спасти матку. Послѣдняя же является родоначальницей

улья—отсюда ея принципальное значеніе. Альтруизмъ муравьевъ и пчелъ не знаетъ, слѣдовательно, чувства семейной или половой любви, эгонистическаго чувства двухъ или нѣсколькихъ особей другъ къ другу, но онъ всецѣло ограниченъ ульемъ. Другіе же улья являются для нихъ врагами или безразличными.

Ближе къ намъ, людямъ, находятся высшіе млекопитающіе. Каждому извѣстны симпатія и чувство долга, напр., у собаки. У человѣка чувства симпатіи и долга носятъ въ высшей степени семейственный характеръ, какъ то: любовь матери, супруговъ, отца, и соответственныя обязанности. Но они имѣютъ также сильную тенденцію распространяться на близкія существа, на друзей, животныхъ, на предметы, съ которыми часто сталкиваются. Последнее, впрочемъ, мы встрѣчаемъ и у муравьевъ и пчелъ въ той формѣ, что постороннія особи послѣ кратковременнаго привыканія причисляются къ улью. Но у человѣка это сохраняетъ строго индивидуальный характеръ. Результатомъ этого является, съ одной стороны, образованіе группъ, какъ то, роды, касты, общины, націи и т. д., а съ другой стороны—также образованіе индивидуальной дружбы или вражды.

Это индивидуальное основное свойство человѣческихъ чувствъ симпатіи основывалось сначала на томъ, что наши ближайшіе предки животнаго царства—высшія обезьяны, жили